

Татьяна Азовская

ГЛАВНОЕ – ОСТАНЕТСЯ РЕКА...

Татьяна Николаевна Азовская родилась в Уральске, с которым связана ее творческая жизнь, судьба и поэзия. Она окончила факультет журналистики КазГУ им. С.М. Кирова, работала корреспондентом семипалатинской областной газеты «Иртыш», литсотрудником Актюбинского драматического театра, в редакции газеты «Приуралье». Стихи публиковались в казахстанских и российских журналах и альманахах, в коллективных сборниках. Автор поэтических сборников «Благодарю судьбу» (1980), «Письмо из Осени» (1981), «Смуглое лето» (1985) и «Я расскажу тебе. Избранное, 1963–2003 гг.». Член Союза писателей Казахстана и России. Лауреат фестиваля молодых литераторов «Жігер».

Редакция журнала «Простор» поздравляет Татьяну Николаевну с юбилеем, желает творческого вдохновения, здоровья, благополучия родным и близким.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ГОРОДА

В провинциальных городах
есть ощущение покоя,
как будто легкою рукою
их осеняет благодать.

Здесь дом проносит высоко
свое значенье. И ступени
из душевных зарослей сирени
к реке сбегают босиком.
И, вырываясь из оков
густых плетней, роднят со светом...
Седобородых стариков
невозмутимые беседы.
Прохожему, как щедрый дар,
поклон вручается при встрече...

В провинциальных городах –
не быт, а бытие и вечность.

Здесь лишним не бывает рот,
чужим здесь не бывает горе.
Здесь спаяны единым корнем
Природа –
Родина –
Народ.

ТАМАРИСК

Возьми карандаш и пиши,
что хочешь.
Пиши и надейся:
подслушаешь голос души
чужой. И узнаешь наследство
прабабки. Потом затаишь,
чтоб тайну не выдать прохожим.
(«Похожа, – промолвят, – похожа...»)
И вспомнится: цвел тамариск
на диком крутом берегу
(а тут – оголтеные сирени).

И песня нездешних селений
сорвется нечаянно с губ.

Доверься бумаге. Спешу
создать очертанье Урала
и профиль турчанки Айши,
которая Анною стала.

Как десять ее сыновей
тьмой глаз могли спорить с ночами!
Как взмылены крупы коней!..
Но только сначала... Сначала
попробуй представить закат –
и подкараулит разлука.

А миг или вечность назад –
болит все равно. И наука
целебных советов и средств
уже не спасает от риска
увидеть цветы тамариска,
где быть их не может. И – нет.

А в солнца расплавленном диске
есть хитрый прищур казака
(меж ней и тобою посредник).
И взглядом турчанки последней
над степью пылает закат.

* * *

Спи, мой Урал, до будущей весны!
Спи под присмотром
берегов высоких!
Звезду верхушкой зацепил осокорь
и погасил, чтоб не тревожить сны.
Спи, мой Урал, до будущей весны!

Храни тебя удача и ветла!
А ты – храни веков былую славу.
Как руки мамы, здесь надежны травы,
и, словно лик ее, – заря светла.
Храни тебя удача и ветла.

Святая память не остудит кровь.
Взойду на яр –
глазам предстанет снова
последняя надежда Пугачева –
казачки Усти горькая любовь.
Святая память не остудит кровь.

Как рассказать о доблестях твоих?
– Пересчитать ли солнечные блики?
Люблю речь вольницы многоязыкой,
степной напев, похожий на разлив,
на пьяный запах молодой чилиги.
Как рассказать о доблестях твоих?

Спи до весны! Легка любви ладонь,
и яркое свет, пролившийся на землю.
А у затона тихо баржи дремлют,
и жаркий лист кружится над водой...
– Легка, Урал, твоей любви ладонь!

* * *

Отец мой умер на войне...
В последний час своей агонии
он в кулаки сжимал ладони,
и крик носился по стене:
– Вперед! За Родину! Вперед!..
Шел семьдесят четвертый год –
двадцать девятый год Победы.
И август на ладонях лета
лежал, как драгоценный плод.
И лес, торжественен и дик,
синел на берегу Урала.
Когда я там с отцом бывала,
я думала: он – лесовик.
Он – из породы колдунов,
с ним разговаривают птицы,
и лист доверчиво ложится
зеленым лучиком у ног.

Да, фантазер и чародей,
но никогда, увы, не воин.
Он был надеждой и покоем
и частью родины моей,
где жили верные друзья,
где добрые гремели грозы,
где только мир и только я
существовать не смели розно.
И день, явившийся в окне,
был сразу долгим и мгновенным.
А вышло, что в отцовских генах
кричала память о войне.
Она внезапно прорвалась,
сожгла дотла другие даты.

И мой отец в последний час
себя увидел вновь солдатом.
Как на экране, по стене
металась праведная ярость...
В двадцать девятый мирный август
отец мой умер на войне.

* * *

Господи!
Спаси и сохрани!
В эти взбаламученные дни,
обессилев от забот,
от обещанных щедрот,
от вестей телеэкрана, –
наша жизнь – сплошная рана.
Мы опять среди всей Земли – одни,
И летит от города к деревне
великотерпимый вопль древний:
– Господи! Спаси и сохрани!

13 ФЕВРАЛЯ 1985 ГОДА

Всеволоду

Владетель души моей,
боли, тревоги и счастья, –
всего, что я есть
и чем до могилы пребуду, –
каким беззащитным
в ладони твое ощущаю запястье,
что выпустить страшно его –
даже пусть на минуту.

Бог времечко выбрал,
послав мне тебя на излете
мятежной поры,
когда бурей становится трепет.
А вышло, любовь – не стихия,
а зоркость. Спокойствие плоти,
когда страдает душа,
и жалеет, и плачет, и терпит.

В ту зиму, казалось,
снега стерли грань горизонта.
Казалось, не будет конца
одичавшим метелям.

А я понимала покой
и улыбку Джоконды,
и плыл надо мной
восхитительный знак Водолея.

Совсем не с восторгом –
с блаженством, что боль отступила, –
из рук акушерки был принят
загадочный кокон.
О, сколько же звезд загоралось
на небе и стыло,
и сколько сходилось веков
в поединке жестоком,
и сколько народов прошло
вольным берегом Яика,
и скольких возлюбленных
шепот запомнили ночи,
чтоб выросло Дерево Жизни,
простой и великой,
где ты, мой сынок, самый юный
и светлый листочек!

И пусть наш серебряный шнур
никогда не порвется!
Храни тебя Бог от измены,
беды и хворобы!
О, как я завидую, сын,
твоему надо мной превосходству,
когда все – в начале,
без ссылок на возраст и опыт.
И как я люблюсь твоим
повторением деда!
И как отступает все:
суетность, дрязги и драмы,
когда мне навстречу,
как клич долгожданной победы,
летит твое звонкое,
очень надежное:
– Мама!

* * *

– Ну а потом?
– Потом взошла трава
на черном пепелище сиротливо.
А женщина звала себя счастливой
и не жалела гордые слова.

– Ну а потом?
 – Потом срубили дом
 на три окна, встречающие солнце,
 и радовались, как малыш смеется
 в широкой колыбели.

– А потом?
 – Потом малыш внезапно повзрослел,
 надел однажды серую пилотку,
 взял вещмешок.
 И вслед его походке
 безногий долго инвалид глядел.

– Ну а потом?
 – Потом была война.
 Дотла в то лето выгорело жито.
 Но Бог услышал матери молитвы:
 вернулся сын – живой и в орденах.

– Ну а потом?
 – Потом взошла трава...

ТАРБАГАТАЙ

Корреспондентские дороги!
 Прощай, надежда на уют!
 Родители опять в тревоге –
 мою профессию клянут.

А я ору с шофером песни
 про дикий, про угрюмый край.
 Ревниво из-за скал отвесных
 следит за мной Тарбагатай.

Он прячется за поворотом,
 скрывает горизонта нить.
 Лишь беркут в медленном полете
 крылами зацепил зенит.

Но, уставая от погони
 азарта, юности, любви,
 Тарбагатай свои ладони
 вдруг распахнул перед людьми.
 И – резкий взмах каленой стали,
 ударом обнажив простор,
 речушку малую оставил

в морщинах обожженных гор.
 Она отчаянно глядела,
 примериваясь к высоте,
 но прыснула и полетела
 навстречу гибели и мне.
 Разбилась, чтоб родиться снова,
 стать зеленой карагачей,
 глотком в пути, спасти от зноя
 кочевья долгого ночлег.
 С камнями спорила, бранилась,
 оставив пену на песке.
 И молчаливой становилась,
 и умещалась на руке

гортанной и суровой дали –
 без имени – с одной судьбой...
 Ее никак не называли.
 Для всех она была – водой!

ПАМЯТЬ

У памяти возраст особый.
 Я помню,
 как падал туман шесть столетий назад
 на берег Непрядвы,
 как тьму караулили кони
 и отсвет костров отражался
 в спокойных глазах.

И снег на Сенатской я помню,
 и окна на Мойке –
 при жизни хозяина –
 в тихом сиянье звезды,
 и тяжесть цветов,
 что под ливнем победным промокли,
 и запах тревожащий
 первой степной борозды.

Такому нельзя научиться.
 Тасуя века и пространства,
 полынным огнем полыхнет
 и оставит пожизненный шрам.
 О Родина! Память твоя –
 это возраст гражданства,
 где рядом – Гагарин
 и в Нерль заглядевшийся храм!

* * *

Не бросай меня, Дело!
 Ни за кем не тянувшая рук,
 я так щедро воспела
 преимущество прочих разлук,
 чтоб в ночи этой светлой
 быть с тобою – один на один,
 чтобы чар твоих пекло
 отзывалось свободой в груди!

Не бросай меня, Дело!
 Подмастерье, ремесленник твой,
 знаю высшую смелость –
 умирать, оставаясь живой.
 Знаю, как бестолково
 копошится впотьмах суета.
 Но рождение Слова –
 как второе рожденье Христа!

Не бросай меня, Дело!
 Пуповиной к земле привяжи,
 где над лебедью белой
 вольный сокол отважно кружит,
 где поля и погосты,
 обелиски, курганы, холмы –
 нашей памяти версты,
 тридцатимиллионное – МЫ!

Не бросай меня, Дело, –
 соучастник, соратник, судья!
 Лишь бы ты уцелело
 на горячем ветру бытия!
 Чтоб в годину трагедий,
 когда дуло стоит у виска,
 твоего милосердия
 прикоснулась неслышно рука!

ПАМЯТИ ТАМАРЫ МАДЗИГОН

С. И. Шубину

...А в эту осень я стихи писала
 пусть не о Вас, но Вам благодаря.
 В моем краю, на берегу Урала,
 ветра лохматят космы краснотала,
 и у дождя – повадки бунтаря.

Но по ночам дом обступала тишь,
 и город плыл под парусами крыш.
 Я забывала про свою сутулость.
 Все, что аукалось,
 ко мне вернулось,
 пройдя сквозь время и укор молвы.
 И эту память охраняли Вы.
 И я опять в свою влюбилась юность
 в стихах раскованных,
 в стихах неосторожных,
 свободных, словно ветер на лугу,
 в стихах, где явь на выдумку похожа,
 настолько призрачных
 и потому, быть может,
 единственных, в которых не солгу,
 не брошусь за разменной монетой
 и не коснусь начищенной трубы...

– Мы чаще на задворках у судьбы,
 чем на балу. Но даже суть не в этом.
 – Вся наша мудрость –
 только груз потерь..
 Но юности я распахнула дверь.

Как в глубину прозрачного колодца,
 смотрю в нее, не отрывая глаз.
 И там, в любимом городе, сейчас
 сады примерили папахи горцев.
 Кружится лист. И женщина смеется,
 одной бедой соединяя нас.

* * *

Оставь меня с бедой наедине.
 Не потому, что я не верю в жалость,
 но как бы состраданье ни старалось, –
 в чужом пиру для нас похмелья нет.

Для жалости не экономя сил
 и возгордись отважным соучастьем,
 ты так перехвалил мое несчастье,
 что, не успев спасти, закабалил.

Боль – не делима! Дай за шагом шаг
 самой пройти ее круги и бездны,
 чтоб невесома, как после болезни,
 навстречу жизни вздрогнула душа.

Когда ж придет час радости моей,
встань вровень с нею и не позавидуй,
на пересуд пустой молве не выдай
и мудрым снисхождением не убей.

Я, может, после соглашусь с тобой,
что радости недолговечны сроки...
Но в счастье оставаться одинокой –
страшнее, чем наедине с бедой!

* * *

Хоть молодости гордой кутежи
давно живут во времени прошедшем,
календари все врут и – безуспешно:
душа не хочет с возрастом дружить.

Ни снисхожденья не прошу, ни лести
у быстрых дней, сорвавшихся в траву.
Одно лишь странно:

мальчики в подъезде
меня уже по отчеству зовут.

А я смеюсь над ними втихомолку –
когда б им знать, чем голова полна.
Но все же часто вспоминаешь Блока,
что «осень прежних лет
была не так грустна».

* * *

Геннадью Доронину

С каждым годом, заметьте,
отношение к возрасту –
бесшабашней.

Торопили двадцатилетье,
сокрушались
по поводу сорокалетия,
а потом день рожденья –
как праздник вчерашний –
отошел, ну и ладно...
И тянем привычную ляжку
суеты и обычности буден.

Вся-то радость, что рядом –
круг от настольной лампы,

под которым, даст Бог,
страдать и надеяться будем.

Примирились с болезнями, –
как же раньше без них обходились –
странно.

На провалы и взлеты
научились смотреть философски.
И внимательней взгляд,
устремленный
в простор поднебесный,
и главным
мы из всех времен года
теперь называем Осень.

Только то и прекрасно,
что жизнь далека от занудства.
И пока нашу тропку
вечность не занесла
вьюжным вальсом,
мы любому школьнику
фору дадим в безрассудстве.
И Жар-птицы перо
еще обожжет наши пальцы.

Ну а что день рожденья?
Так.
Новый снимок в семейном альбоме.
Только вот сыновья
быстро выросли – акселераты!
Да пронзительнее
ощущение отчего дома.
Да все чаще душа
стала плакать
по близким утратам.

* * *

А главное: останется река –
исток судьбы,
дремучий голос крови.
Здесь хитрый предок обучался воле
и обживал крутые берега.
Здесь мать моя глядела на разлив,
чтобы, когда покинут гнезда птицы,
глаза последней дочери могли
уральной волною повториться.

И как ни властны голоса друзей,
как ни бегу на зов, –
глаза прикрою:
опять стоит будара на приколе
и, словно солнце, чешуя язей
расплещется по днищу, засверкав
наградю за промысел нелегкий.
А на яру подсолнухов головки
заломлены фуражкой казака.
Здесь на песке – тепло моих следов.
Здесь помнит губы спелость ежевики.

И родина – как первая любовь,
чтоб рассказать о ней,
мы – безъязыки.

Мне б только знать
отныне, на века,
приняв в родню
всю даль страны огромной,
что – главное – останется река,
на берегу которой молвлю:
– Дома!

В декабре 2018 года отмечают:

80-летие

Файзолла ОРАЗАЕВ, *литературовед*

Сейфолла ОСПАН, *поэт*

Адия СЕКСЕНБАЕВА, *поэт*

Яхья ТАИРОВ, *прозаик*

60-летие

Жомарт ИГИМАН, *поэт*

Сураган РАХМЕТУЛЫ, *поэт*

Жумагул СОЛТИЕВА, *прозаик*

Ратбек ТЕРЛИКБАЕВ, *поэт*

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

